Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

К оценке этнополитической ситуации VII–V вв. до н. э. в Нижнем Прикубанье¹

В. А. Горончаровский²

Аннотация. Статья посвящена анализу этнополитической ситуации на Таманском полуострове и в низовьях Кубани на раннем этапе освоения греками территории Азиатского Боспора. Согласно версии автора, этноним «синды» связан с одной из группировок кочевых племен Самаро-Уральского региона, которая около 530 г. до н. э. под давлением новой кочевой волны с востока («скифы царские») сместилась в западном направлении и заняла свободную территорию в районе Боспора Киммерийского. К началу V в. до н. э., судя по всему, синды достигли господствующего положения среди варварских племен Нижнего Прикубанья и вступили в военно-политический союз с соседними боспорскими городами, направленный против скифской экспансии. Анализ погребальных традиций позволяет связать с синдами не только известные Семибратние курганы, но и ряд сырцовых гробниц с захоронениями конных воинов V в. до н. э.

Annotation. This paper is concerned with analysis of the ethnopolitical situation on the Taman Peninsula and on the Lower Kuban River at the early stage of the occupation of the territory of the Asiatic Bosphoros by the Greeks. In the author's version, the ethnonim 'Sinds' is related with one of the groups among the nomads of the Samara-Ural region which about in 530 BC, under the pressure of a new nomadic wave from the east ("Royal Scythians") moved in the western direction and occupied the free area in the region of the Cimmerian Bosphoros. By the beginning of the 5th century BC, the Sinds evidently attained a dominating position among the barbarian tribes on the Lower Kuban River and entered into a military-political alliance with neighbouring Bosporan cities directed against the Scythian expansion. Analysis of burial traditions allows us to associate with the Sinds not only the famous Semibratniye barrows but also a series of adobe tombs with burials of mounted warriors of the 5th century BC.

Ключевые слова: Азиатский Боспор, Нижнее Прикубанье, скифы, синды, меоты, тореты, керкеты, сырцовые гробницы, захоронения коней.

Keywords: Asiatic Bosphoros, Lower Kuban River region, Scythians, Sinds, Maeotians, Torets, Kerkets, adobe tombs, horse burials.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-187-193

В эпоху освоения Азиатского Боспора греческими колонистами наиболее заметными среди их варварских соседей были, безусловно, синды, занимавшие земли в районе Таманского полуострова и нижнего течения Кубани. Тем не менее

эта область на раннем этапе колонизации вряд ли могла претендовать на наименование «Синдика»: в VIII — середине VII в. до н. э. здесь существовал Приморско-Абинский локальный вариант прото-меотской культуры (Эрлих, 2007. С. 57). Его исчезновение на большей части этой территории связывается со скифским присутствием, которое обозначено целым рядом курганных погребений на левобережье Нижней Кубани (Новичихин, 2006а. С. 134 сл., рис. 1; Шевченко, 2013. С. 100–118). Для них характерны захоронения с южной ориентацией в больших прямоугольных ямах размерами до 4,7 × 3,5 м при глубине до 1,2 м (Новичихин,

¹ Данная работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания: № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., д. 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

2006а. С. 135). В отдельных случаях использовались каркасно-столбовые конструкции. Иногда рядом с покойниками клали взнузданных коней или части их туш. Среди предметов погребального инвентаря (*Там же*. С. 136, рис. 3) обращают на себя внимание находки бронзовых литых шлемов кубанского типа, акинака с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем (отдел I тип 2 по: *Мелюкова*, 1964. С. 49–50, табл. 16, 2), двухлопастных наконечников стрел (I хронологическая группа по: *Там же*. С. 18, табл. 6, А1, Б2, И7), панцирных металлических пластин, бронзовых с тремя отверстиями и железных трехпетельчатых псалиев, а также бронзового котла, аналогичного обнаруженному в погребении 3 кургана № 15 Келермесского могильника (*Алексеев*, 2003. С. 388, рис. 16, 1). Все они относятся к археологической культуре архаической Скифии 700–530 гг. до н. э. (ср.: *Там же*. С. 397, рис. 24), вслед за которой для курганных комплексов данной территории начинается хронологическая лакуна продолжительностью около 80 лет.

У населения, оставившего грунтовые могильники к северу и востоку от современной Анапы, такого разрыва культурной традиции не наблюдается. А. М. Новичихин дает следующую картину эволюции обнаруженных в этих могильниках погребальных сооружений: для первой половины VI в. до н. э. это площадки под округлыми каменными закладами, иногда окруженными по периметру круглыми камнями (могильники Красная Скала, Красный Курган, Воскресенский, у опытно-производственного хозяйства «Анапа», у хутора Рассвет); их сменяют захоронения в неглубоких ямах с перекрытием из каменных плит, окруженные кромlexами, а уже около середины VI в. до н. э. появляются погребения в каменных ящиках, в предшествующий период распространенные на черноморском побережье от Новороссийска до Туапсе. В V в. до н. э. происходит слияние двух погребальных традиций: распространяется практика сооружения каменных ящиков с округлой обкладкой-кромlexом, которая становится преобладающей в Синдике (*Новичихин*, 2006б. С. 77). По мнению исследователя, эти данные могут свидетельствовать «о формировании в районе современной Анапы новой этнокультурной общности», а именно синдского этноса³,

органично сочетавшего «культурные (и языковые?) традиции пришлого кавказского (абхазо-адыгского) и местного (вероятно, индоарийского) населения» (*Новичихин*, 2014. С. 116–117).

Более конструктивной, однако, представляется позиция Е. М. Алексеевой, которая отмечает широкий ареал специфического облика «каменных» некрополей и их отсутствие на территории Таманского полуострова, включавшегося древними авторами в Синдику, что «заставляет осторожнее относиться к их интерпретации как синдских» (*Алексеева*, 2012. С. 176). С ее точки зрения, в носителях такой погребальной традиции следует видеть ближайших соседей синдов — торетов и керкетов (*Алексеева*, 1991. С. 35; *Алексеева*, 2000. С. 162), и в этом с ней вполне можно согласиться. Тех же взглядов придерживаются и современные исследователи археологических памятников полуострова Абрау (*Малышев и др.*, 2014. С. 101, рис. 5). Что же касается индоарийского компонента в составе населения Синдики, то после уничтожающей критики С. Р. Тохтасьева (заметившего, что у О. Н. Трубачева и его последователей соответствующих топонимов в Северном и Северо-Восточном Причерноморье насчитывается, «...наверное, немногим меньше, чем в самой Индии»; *Тохтасьев*, 2017. С. 173–194) всерьез относиться к этой гипотезе не приходится.

Анализ имеющихся археологических данных показывает, что после ухода из Прикубанья носителей раннескифской культуры⁴ между областями обитания меотов и приморских племен появляется незаселенная зона шириной около 100 км (*Иванов*, 2016а. С. 262–263) — это как раз та территория, за которой закрепилось название «Синдика». Когда же и откуда появились здесь сами синды? Учитывая консервативность погребальных обрядов, связанных с представителями элиты общества, логично использовать для поисков синдской прародины в качестве эталонных материалы известных Семибратних курганов, принадлежность которых синдам не вызывает сомнений (*Горончаровский*, 2017. С. 230 сл.). Начиная с середины V в. до н. э. в самых ранних курганных комплексах

ученые (*Крушкoл*, 1971. С. 88–90; *Масленников*, 1981. С. 18). Иногда они рассматриваются как относящиеся к племенному массиву, куда были инкорпорированы синды, керкеты и тореты (*Иванов*, 2016а. С. 262).

⁴ А. М. Новичихин без достаточных оснований считает их язаматами (*Новичихин*, 2006а. С. 138).

³ Сторонниками связи «каменных» некрополей района Анапы с историческими синдами были и другие

(Семибратние курганы 2 и 4) захоронения совершались в сырцовых склепах, возведённых над материком. Погребённые, ориентированные головой на восток или с небольшими отклонениями от этого направления, находились в специальных отделениях, отгороженных стенкой из сырцовых кирпичей или досками. В пределах южной части склепа или отдельно помещались лошади, число которых могло достигать 13.

Истоки этой погребальной обрядности не имеют окрашенных греческим влиянием местных корней (Горончаровский, 2015. С. 183–186). Их нужно искать в иной культурной среде — прежде всего, в сопредельных кочевых обществах. В скифских курганах VI–V вв. до н. э. тип сырцовой погребальной камеры отсутствует (Ольховский, 1991. С. 17). С другой стороны, обычай захоронения умершего в просторной наземной камере, возведенной из сырцового кирпича, зафиксирован в курганных могильниках VI — первой половины V в. до н. э., исследованных в южноуральских степях и Самарском Заволжье (Мышкин, Скарбовенко, 2010. С. 93; Мышкин, 2012. С. 149 сл.; Горончаровский, 2015. С. 180 сл.)⁵. Подобные склепы сооружались на погребенной почве и в ряде случаев сопровождалась захоронениями взнузданных коней⁶.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что синды были потомками одной из группировок номадов Самаро-Уральского региона, около 530 г. до н. э. (или несколько ранее), сместившейся в западном направлении под давлением новой кочевой волны с востока (Виноградов, 2001. С. 124–125; Алексеев, 2003. С. 208–210, 397) и занявшей свободную территорию в районе Боспора Киммерийского, где преобладают низкие и приподнятые степные пологие равнины с прилегающими к лиманам болотистыми пространствами (Гарбузов, 2013. С. 111)⁷, соседствующие

с предгорьями Кавказа. Такая природная ситуация, несомненно, должна была оказать влияние на культурно-хозяйственные особенности местного населения.

Соответственно, можно предполагать, что основным занятием синдов стало отгонное скотоводство, основанное на сезонных перегонах скота на относительно короткие расстояния по каким-то замкнутым маршрутам. В качестве этнографической параллели заслуживает внимания следующий пример: вплоть до XVIII в. отгонное скотоводство было основой хозяйственной жизни адыгов на территории Нижнего Прикубанья. Весной и осенью скот кормили на пастбищах в пойме реки, летом перегоняли его в горы, а зимой содержали на специальных стоянках (ср.: Казиев, Карпеев, 2003. С. 188).

Предлагаемой датировке появления синдов в низовьях Кубани не противоречит самое раннее упоминание о них в обшечных стихах эфесского поэта-ямбографа Гиппонакта (*Hipp.* 68A), расцвет которого «Паросская хроника» относит к 544–541 гг. до н. э. (*Marmor Parium.* 42), а Плиний Старший — к 60-й олимпиаде (= 540–537 гг. до н. э.; *Plin. NH.* XXXVI. 11). Как известно, вторую половину жизни Гиппонакт провел в Клазоменах, жители которых не только имели какие-то наблюдательные пункты на побережье Меотиды (*Strab.* XI. 2. 4; см. также: Кулакова, 2003. С. 297–306), но и вели активную торговлю вдали от прибрежных областей.

Об этом можно судить по результатам недавних раскопок меотского поселения Марьянское 1, расположенного более чем в 120 км вверх по течению от устья Кубани. Найденные здесь фрагменты амфор группы Теос / Клазомены второй–третьей четверти VI в. до н. э. по численности уступают «лишь самой массовой категории находок — лепным горшкам» (Иванов и др., 2020. С. 99, рис. 4, 1–20).

Следовательно, Гиппонакт мог получить информацию о синдах из первых рук. О его достаточной осведомленности о местных реалиях свидетельствует упоминание кораксийской накидки (*Hipp.* Fr. 2a West), а ведь согласно Гелланику Лесбосскому, логографу второй половины V в. до н. э., кораксы обитали на Северо-Западном Кавказе — скорее всего, во внутренних районах горного Прикубанья (Мусбахова, 2018. С. 893, 897).

В связи с постоянной скифской угрозой период освоения «новой родины» растянулся у синдов на несколько десятилетий. Видимо, неслучайно

⁵ В Самаро-Уральском регионе известно пять типов элитных погребальных памятников VI–V вв. до н. э., из которых курганы с сырцовыми склепами составляют всего 12 % (Мышкин, 2011. С. 322 сл.).

⁶ Там же прослеживается обычай расположения захоронений коней с южной стороны могилы (Очир-Горяева, 2002. С. 143).

⁷ Можно вспомнить сохранившиеся Афинеем строки известного ямбографа конца IV в. до н. э. Феникса Колофонского: «...синд длинноволосый с верхних озер» (*Athen.* XII. 40. 530f: пер. С. Р. Тохтасьева).

в античной литературной традиции они фигурируют как «издавна враждовавшие со скифами» (*Лис. Тох.* 55; пер. С. Ю. Сапрыкина). По сообщению Геродота, когда Боспор Киммерийский замерзал, скифы на своих повозках переезжали по льду на другую сторону пролива в землю синдов (*Hdt.* IV. 28). Это можно трактовать как военные походы или сезонные перекочевки на зимние пастбища (*Виноградов*, 2005. С. 214–215), в любом случае создававшие нестабильную обстановку. Судя по всему, царские скифы относили синдов к числу тех, кого считали своими «рабами», то есть брали с них дань. Позднее такие римские авторы, как Гай Валерий Флакк (ок. 45–90 гг. н. э.) и Аммиан Марцеллин (ок. 330–400 гг. н. э.) даже отождествили их с упомянутыми у Геродота потомками рабов, начавшими в районе Боспора Киммерийского войну со своими господами, вернувшимися из Азии (*Hdt.* IV. 2–3; *Val. Flacc.* VI. 85; *Amm. Marc.* XXII. 8. 41). Очевидно, в условиях этого военного противостояния синды к началу V в. до н. э. заняли среди варварских племен Нижнего Прикубанья (торетов, дандариев и псесов) господствующее положение, обусловленное контролем над определённой территорией и отчуждением у местного населения части земледельческо-скотоводческой и ремесленной продукции, поскольку номады всегда стремились поставить соседние оседлые народы в зависимое положение⁸.

Усиление скифской экспансии в начале V в. до н. э., видимо, способствовало созданию военно-политического союза синдов с греческими городами Азиатского Боспора (*Толстиков*, 1984. С. 24–26; *Горончаровский*, 2014. С. 581)⁹, поскольку для успешного противостояния натиску кочевников грекам нужно было иметь на своей стороне равных им в военном отношении конных воинов. В связи с этим обращают на себя внимание воинские захоронения из некрополей Волна 1 и Артющенко 2 в южной части Таманского полуострова (*Кашаев и др.*, 2020. С. 95–109), которые

датируются в пределах первой–третьей четверти V в. до н. э.¹⁰ С ними связан совершенно определенный тип погребальных сооружений: это небольшие сырцовые гробницы с деревянным перекрытием и внешними размерами около 3,0 × 2,3 м (*Там же*, 2020. С. 86–88, рис. 2–3). К югу от них располагались конские захоронения, ориентированные, как и сами погребенные, на восток. Сырцовые кирпичи в данном случае укладывались плашмя по всему периметру (*Кашаев, Сударев*, 2020. С. 29).

Все эти погребения с лошадьми отличаются достаточно стандартным набором сопровождающего инвентаря: как правило, каждому погребенному сопутствуют амфора, меч, копье, иногда дополненные кинжалом и несколькими наконечниками стрел. В ряде случаев погребальные комплексы содержали бронзовые пряжки в скифском зверином стиле, изображающие фигурки оленей или голову оленя с рогами. Стоит упомянуть и бронзовый псалий с завершением в виде головы лошади (*Кашаев и др.*, 2020. С. 87), который находит определенные аналогии не в Скифии, а восточнее, в Южном Приуралье (*Политович*, 2004. С. 156, рис. 9, 3). Создается впечатление, что здесь были захоронены представители варварской конной дружины примерно одного, достаточно высокого для своего времени, социального статуса.

К сожалению, данные о поселении Волна 1 в интересующий нас период пока не опубликованы, но результаты раскопок поселения Артющенко 2, что характерно, не дают картины постоянного обитания тут какого-либо греческого населения. На площади около 1200 кв. м выявлено всего несколько десятков хозяйственных ям и развал обмазки турлучной постройки (*Виноградов, Кашаев*, 2016. С. 97–98).

Вряд ли стоит проявлять излишний скепсис в отношении возможности этнической атрибуции воинских погребений в сырцовых гробницах из некрополей Волна 1 и Артющенко 2, как это делают С. В. Кашаев с соавторами¹¹. Ничто не препятствует предположить синдскую принадлежность такого рода погребальных комплексов,

⁸ Ранее такую точку зрения уже высказывал Я. М. Паромов, считая, что этнический состав Синдики был двухкомпонентным и включал «в свой состав господствующее пришлое и подчиненное местное население, то есть из кавказского субстрата и степного (близкого собственно скифскому)» (*Паромов*, 2004. С. 292).

⁹ Материальной основой таких союзов обычно были периодическая выплата «даров» варварским вождям и усиление торговых контактов.

¹⁰ Из 17 датированных погребений такого рода одно относится к первой четверти V в. до н. э., 8 — ко второй четверти и 8 — к третьей четверти — второй половине того же столетия (*Кашаев и др.*, 2020. С. 87, 89).

¹¹ «... выяснить этническую составляющую этого ритуала на данном этапе сложно» (*Кашаев и др.*, 2020. С. 92). Ср.: *Иванов*, 2016б. С. 239.

ближайшей аналогией для которых являются Семибратние курганы (Горончаровский, 2014. С. 574–576), хотя эта группа памятников начала формироваться несколько позже, около середины V в. до н. э., близ города Лабрис (Семибратнего городища). Следует полагать, что создание там родового кладбища высшей синдской знати, просуществовавшего вплоть до начала IV в. до н. э., стало возможным только после окончательного устранения скифской угрозы, установления полного контроля синдов над соседними племенами

и выстраивания системы взаимовыгодных отношений с греческими полисами Азиатского Боспора¹². Сложившаяся таким образом этнополитическая ситуация в низовьях Кубани оставалась неизменной вплоть до перехода Синдского царства под власть боспорских царей.

¹² Как известно, родовые кладбища номадов обычно устраивали в глубине «коренной» территории, и они служили вещественным основанием права на занимаемые земли (Бунятян, 1985. С. 122).

Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Алексеева, 1991 — Алексеева Е. М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.: Наука, 1991. 144 с.

Алексеева, 2000 — Алексеева Е. М. Местная среда ранней Горгиипии // ПИФК. 2000. Вып. 8. С. 160–169.

Алексеева, 2012 — Алексеева Е. М. Рец. на: Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет. М.: Гриф и К, 2010 (Некрополи Черноморья; III). 272 с. // ВДИ. 2012. № 4. С. 173–177.

Бунятян, 1985 — Бунятян Е. П. Методика социальных реконструкций в археологии. Киев: Наукова думка, 1985. 227 с.

Виноградов, 2001 — Виноградов Ю. А. Две Скифии и скифы царские // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Ч. II. С. 124–127.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 211–296.

Виноградов, Кашаев, 2016 — Виноградов Ю. А., Кашаев С. В. Античные поселения Артющенко-1 и Артющенко-2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // БИ. 2016. Вып. XXXIII. С. 95–109.

Гарбузов, 2013 — Гарбузов Г. П. К вопросу определения «естественной» территории Азиатского Боспора // ДБ. 2013. Т. 17. С. 110–131.

Горончаровский, 2014 — Горончаровский В. А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 553–618.

Горончаровский, 2015 — Горончаровский В. А. Сырцовые склепы боспорских курганов (о восточном влиянии на формирование погребальной традиции) // ЗВОРАО. 2015. Т. III (XXVIII). С. 180–191.

Горончаровский, 2017 — Горончаровский В. А. Цари и аристократия Синдики V — начала IV в. до н. э. // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 224–260.

Иванов и др., 2020 — Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А. О горизонте второй — третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское 1 в Нижнем Прикубанье // АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.

Иванов, 2016а — Иванов А. В. Племена района Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // ДБ. 2016. Т. 20. С. 260–268.

Иванов, 2016б — Иванов А. В. О некоторых параллелях в погребальном обряде элитарных комплексов Азиатского Боспора, Синдики и Кубани // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. СПб.: ПАЛАЦЦО, 2016. С. 236–240.

Казиев, Карпеев, 2003 — Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М.: Молодая гвардия, 2003. 464 с.

Кашаев и др., 2020 — Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.

Кашаев, Сударев, 2020 — Кашаев С. В., Сударев Н. И. Традиция погребений в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7 // БИ. 2020. Вып. XL. С. 26–46.

Крушкол, 1971 — Крушкол Ю. С. Древняя Синдика. М.: Изд-во МОПИ им. Н. К. Крупской, 1971. 252 с.

Кулакова, 2003 — Кулакова А. П. Клазомены и Северное Причерноморье // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2003. Вып. 2. С. 297–306.

- Малышев и др.*, 2014 — *Малышев А. А., Гольева А. А., Спиридонова А. А., Алешинская А. С., Качанова М. Д.* Опыт реконструкции палеоландшафта приморской части полуострова Абрау (Краснодарский край): по материалам отложений в устье Лобановой щели // *АЭАЕ*. 2014. № 4 (60). С. 92–105.
- Масленников*, 1981 — *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М.: Наука, 1981. 125 с.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М.: Наука, 1964 (САИ; Вып. Д 1-4). 91 с., 23 табл.
- Мусбахова*, 2018 — *Мусбахова В. Т.* Кораксийская накладка у Гиппонакта и кораксы Гекатея // *Индоевропейское языкознание и классическая филология-XXII* (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 18–20 июня 2018 г. СПб.: Наука, 2018. Полум 2. С. 887–919.
- Мышкин*, 2011 — *Мышкин В. Н.* Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н. э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // *Материалы и исследования по археологии юга России*. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. Вып. III. С. 322–343.
- Мышкин*, 2012 — *Мышкин В. Н.* Курганы с глиняными «мавзолеями» кочевников Самаро-Уральского региона скифского времени // *Вояджер: мир и человек*. 2012. № 3. С. 149–171.
- Мышкин, Скарбовенко*, 2010 — *Мышкин В. Н., Скарбовенко В. А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // *Краеведческие записки*. 2010. Вып. XV. С. 87–100.
- Новичихин*, 2006а — *Новичихин А. М.* Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э.* СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 134–138.
- Новичихин*, 2006б — *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Новичихин*, 2014 — *Новичихин А. М.* Об этногенезе синдов // *Древняя и средневековая культура адыгов*. Нальчик: Издательский отдел КБГИ РАН, 2014. С. 110–121.
- Ольховский*, 1991 — *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М.: Наука, 1991. 252 с.
- Очир-Горяева*, 2002 — *Очир-Горяева М. А.* Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // *БФ: Погребальные памятники и святилища*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Ч. 2. С. 137–146.
- Паромов*, 2004 — *Паромов Я. М.* Курганный некрополь Фанагории // *БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Ч. I. С. 287–292.
- Полидович*, 2004 — *Полидович Ю. Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // *Археологический альманах*. 2004. № 15. С. 143–165.
- Толстиков*, 1984 — *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // *ВДИ*. 1984. № 3. С. 24–48.
- Тохтасьев*, 2017 — *Тохтасьев С. Р.* Варварские племена, соседи греческих городов Боспора // *Scripta antiqua*. 2017. Т. VI. С. 135–279.
- Шевченко*, 2013 — *Шевченко Н. Ф.* Курганы раннескифского времени у хутора Красный // *АСГЭ*. 2013. Вып. 39. С. 100–118.
- Эрлих*, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Evaluation of the ethno-political situation of the 7th–5th century BC in the Lower Kuban River region

V. A. Goroncharovskiy¹³

This paper is devoted to analysis of archaeological finds, as well as the evidence of written sources and epigraphy, characterizing the ethno-political situation on the Taman Peninsula and Lower Kuban River at the early stage of the occupation of the territory of the Asiatic Bosporos by the Greeks. A key problem here is presented by the origin

¹³ Vladimir Goroncharovskiy — Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences; Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: goronvladimir@yandex.ru.

of the Sinds — the most notable “barbarian” neighbours of the Greek colonists in the epoch under consideration. Using as reference materials the evidence from the well-known Semibratnie (Seven Brothers) barrows, the author reveals the closest parallels to the Sindian burial rite (sub-barrow burials in mudbrick chambers accompanied by horses) at barrow cemeteries of the 6th — first half of the 5th century BC excavated in South-Urals steppe and in the Samara Trans-Volga region. In this light, the origin of the Sinds can be related with one of the groups of nomads of the Samara-Ural region which about 530 BC, under the pressure of the new nomadic wave from the east (“Royal Scythians”), moved in the western direction and occupied the territory around the Cimmerian Bosphoros which was free after the bearers of the early Scythian culture had left the Kuban River region. By the early 5th century BC, the Sinds evidently attained a dominating position among the barbarian tribes of the Lower Kuban and entered into a military-political alliance with neighbouring Bosporan cities directed against the Scythian expansion. Analysis of burial traditions allows us to associate with the Sinds also a series of adobe tombs with burials of mounted warriors of the first–third quarter of the 5th century BC in the south of the Taman Peninsula (necropoleis of Volna 1 and Artyushchenko 2).